

Лагерлёф Сельма

Роза Христа

(часть 1)

Высоко в горах, в Генигерском лесу, жил разбойник со своей женой и пятью малыми ребятишками.

Недобрым местом считался в округе перевал в горах Генигерского леса. Конный и пеший пробирались узкими тропами, в обход, лишь бы не подстерёг их разбойник на горном перевале. Так что разбойнику лишь изредка удавалось поживиться: отнять у беспечного путника несколько монет или тощую дорожную суму. Сам же разбойник считался человеком вне закона и не смел спускаться в долину.

Если же случалось ему несколько недель подряд возвращаться в свою пещеру с пустыми руками, тогда его жена сама отправлялась вниз в селение. Никто никогда не видел её лица. Косматые спутанные волосы дикими прядями торчали в разные стороны и падали ей на глаза. Она брала с собой своих пятерых детишек. Малыши шли, одетые в лохмотья, стуча деревянными башмаками.

У них были чумазые мордашки, а волосы такие же грязные и нечёсанные, как у матери. Каждый нёс на спине мешок разве что чуть поменьше, чем он сам. Жена разбойника выбирала дом побогаче и без стука настежь распахивала дверь. Хозяева торопились сунуть ей мягкую лепёшку и кусок окорока. Все боялись жены разбойника, потому что знали, что с неё станет вернуться на следующую ночь и поджечь дом, где её прогнали с порога.

Однажды, бродя от дома к дому по улочкам селения, жена разбойника подошла к воротам монастыря Овед. Она позвонила в колокольчик, привратник распахнул окно и протянул ей шесть круглых хлебов: один ей и по одному для каждого ребёнка.

Пока она укладывала ещё тёплый хлеб в мешок, младший из её ребятишек увидел дверцу в каменной монастырской стене.

— Матушка, матушка! — позвал он. — Иди-ка сюда! Да иди же!

Дверца, снятая с петель, стояла просто прислонённая к стене. Жена разбойника, не долго думая, отшвырнула её в сторону и вошла в монастырский сад.

Настоятелем монастыря Овед был в то время аббат Иоанн, прославившийся своей добротой и святой жизнью. К тому же он изучил тайны лечебных трав и кореньев. Из далёких стран он привозил семена диковинных цветов и невиданных в этих краях растений.

Весной, когда первые цветы распускались в его саду, бабочки и пчёлы, казалось, слетались сюда со всей Дании. Люди издалека приходили, чтобы полюбоваться чудесными цветами аббата Иоанна.

Жена разбойника, как ни в чём не бывало, принялась расхаживать по дорожкам сада.

В этот час в монастырском саду работал послушник Марсалий. Это он оставил открытой дверцу в монастырской стене, чтоб выбрасывать из сада сорную траву.

Увидав жену разбойника, а с ней пять отчаянных сорванцов, он ахнул и бегом бросился им навстречу.

— А ну сейчас же уходите отсюда! — строго приказал он. — Пошли прочь, иначе вам придётся худо!

Он хотел было схватить нищенку за руку, но та кинула на него такой свирепый взгляд, что он невольно отскочил в сторону.

— Я жена разбойника из Генигерского леса! — Она встала поперёк дорожки, широко расставив ноги, и протянула к Марсалию руки со скрюченными пальцами. — А ну попробуй тронь меня, если посмеешь!- Послушай, что я скажу, — попробовал уговорить её Марсалий. — Ты же знаешь, это мужской монастырь, и по нашим законам ни одна женщина не должна сюда входить. Если монахи узнают, что я забыл запереть калитку, то мне здорово достанется. А то и вовсе прикажут убираться отсюда, куда глаза глядят.

— Ну и отстань, — грубо сказала нищенка. — Выгонят, туда тебе и дорога.

Марсалий, совсем растерявшись, кликнул на подмогу двух дюжих монахов.

— А!.. Ты хочешь вышвырнуть меня отсюда? Я останусь здесь, сколько захочу! Слышишь, монах? — пронзительно и злобно завопила жена разбойника.

Одним звериным прыжком она подскочила к Марсалию и укусила его за руку. А пятеро мальчишек с отчаянным визгом и криками вцепились в рясы монахов.

Услышав столь необычный шум в саду, где всегда царили покой и тишина, из дверей вышел сам настоятель монастыря — аббат Иоанн.

Это был сгорбленный старик, волосы его блестели, как нити серебра. У него были старческие красноватые глаза, но взгляд их оставался глубоким и пронзительным.

Он тут же приказал монахам вернуться в свои кельи и тихим шагом подошёл к жене разбойника. Она посмотрела на него исподлобья, угрюмо и настороженно.

Но аббат Иоанн заговорил с ней приветливо.

— Ты можешь гулять по саду, сколько пожелаешь, — сказал он с доброй улыбкой.

Жена разбойника только молча кивнула головой и снова пошла по дорожке между грядками.

Аббат Иоанн смотрел на неё и не мог надивиться. Он был уверен, что несчастная оборвашка никогда в жизни не видела такого прекрасного сада. Однако нищенка рассматривала цветы, будто это были её давние знакомые. Она улыбнулась розам и блестящим, как атлас, лилиям. Но поглядев на плющ и шалфей, укоризненно покачала головой.

Аббат Иоанн любил свой сад больше всего на свете. Он полагал, что все драгоценности и сокровища мира тленны и преходящи, кроме дивных

цветов, которые одаряют людей божественной радостью каждую весну. Аббат Иоанн ласково потрепал младшего мальчугана по спутанным волосам.

— Мне кажется, тебе и твоим сыновьям понравился мой сад!

— Так-то оно так, — задумчиво проговорила жена разбойника. — Не буду спорить, у тебя здесь растут кой-какие неплохие цветочки. Но мне довелось в жизни видеть другой сад. Он так прекрасен, что и слов нет. Где уж твоему саду тягаться с ним!

Аббат Иоанн только добродушно улыбнулся, а Марсалий, помощник садовника, прямо-таки вспыхнул от обиды и досады.

— И это говоришь ты, жалкая побирушка! — в запальчивости проговорил он. — Какой сад ты видела? Что ты врешь? Расскажи нам лучше про чашобу, глухомань да гнилые болота! Этому я поверю.

— Болтай сколько хочешь, — презрительно сказала жена разбойника. — О, если бы ты увидел самый маленький, самый бедный цветок из того сада! Все эти розы и лилии, которыми ты так гордишься, показались бы тебе не лучше лебеды и бурьяна!

— Нет, вы только посмотрите на эту наглую лгунью! — гневно воскликнул Марсалий. — Вы живёте в диком лесу и сами стали не лучше зверей!

Тут жена разбойника от ярости потеряла всякую власть над собой.

— Ах, так! Тогда слушайте! — сверкая глазами, пронзительно и дико закричала она. — Вы, монахи, зовёте себя святыми людьми. Тогда почему вы не знаете, что в Генигерском лесу каждый год в рождественскую ночь расцветает небесный сад!

— Матушка говорит правду! — еле слышно пролепетал самый младший из детей и, испугавшись своей смелости, зарылся лицом в материнскую юбку.

Но Марсалий только рассмеялся с издёвкой.

— Надо же такое придумать! Божественный сад расцветает в Генигерском лесу, там, где живут нечестивцы и воры!

Аббат Иоанн пристально поглядел в пылающие как угли глаза жены разбойника, сам не зная, верить ей или нет.

— Пропадите вы все пропадом! — хрипло крикнула нищенка, сжимая кулаки. — Но я знаю одно. Никто из вас не отважится рождественской ночью подняться через перевал в Генигерский лес. И вы никогда, никогда не увидите небесного сада! Пусть так и будет. Не видать вам этого чуда! Потому что все вы просто жалкие трусы!

— Ты ещё смеешь оскорблять нас, ты, жена преступника!.. — начал было Марсалий, но аббат Иоанн жестом приказал ему замолчать.

«А вдруг эта несчастная говорит правду?» — подумал аббат Иоанн.

Тем временем жена разбойника, нетерпеливо окликнув сыновей, повернулась и пошла к калитке. Но аббат Иоанн остановил её.

— Добрая женщина, подожди минутку, выслушай меня! — Столько тепла и сердечности было в его голосе, что жена разбойника невольно остановилась.

-Позволь мне прийти в рождественскую ночь в Генигерский лес. Посмотри на меня, ты видишь, как я стар. Одному мне ни за что не найти к вам дорогу. Прошу тебя, пришли за мной сюда в монастырь старшего из своих мальчуганов. Поверь, я не принесу вам зла. У меня есть немного денег. Я отдам тебе всё, чем владею.

Жена разбойника не сразу ответила ему. Она опасалась открыть кому-либо дорогу к их тайному убежищу, к тому же боялась гнева сурового мужа. Но всё же, поколебавшись, она согласилась.

— Ладно уж, будь по-твоему, — угрюмо сказала она. — Жди, так и быть, я пришлю за тобой мальчишку. Но не вздумай донести на нас, если ты и вправду божий слуга.

Аббат Иоанн приказал дать жене разбойника хлеба и сыра, а в придачу бочонок мёда для её ребятишек, и с тем жена разбойника удалилась.

Шло время, аббату Иоанну по ночам часто снился небесный сад в Генигерском лесу. Но, просыпаясь, он начинал сомневаться и говорить себе, что он слишком легковверен и доверчив.